

Прозрачный проводник

18+

Александр Николаевич Шмаков

Александр Шмаков

Прозрачный проводник

«Автор»

2026

Шмаков А. Н.

Прозрачный проводник / А. Н. Шмаков — «Автор», 2026

Маленький городок на краю войны. Учитель Алеф учит детей не только истории, но и тому, как оставаться человеком, когда мир рушится. Его друг Тав, хозяин чайной, привык решать всё с помощью связей и силы. Но война не спрашивает, кто прав. Она входит в каждый дом, ломает судьбы и ставит выбор: спасти себя, заплатив совестью, или остаться верным себе, даже ценой жизни. Их пути разойдутся, чтобы сойтись там, где есть только боль. Но что, если настоящий дар - это не победа над болью, а умение принять её и не потерять себя? Роман о вере, предательстве и о том, что даже в самой беспросветной тьме можно остаться светом для других.

© Шмаков А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Теория научная.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Часть вторая. Теория ненаучная.	19
Глава 1.	19
Глава 2.	22
Глава 3.	26
Глава 4.	28
Глава 5.	31
Глава 6.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Шмаков

Прозрачный проводник

Часть первая. Теория научная.

Глава 1.

Утро в институте начиналось раньше рассвета, так было заведено. Те, кто приходил первым, успевали выпить кофе в тишине, пока длинные коридоры ещё не наполнились шагами, звонками внутренних телефонов и глухим гулом вентиляции, который к восьми часам переставал замечаться.

За ночь прошёл дождь. Асфальт перед главным корпусом ещё блестел, словно его только что вымыли. Над рекой, за невысокими деревьями, поднимался туман. Солнце ещё не взошло. Воздух был прохладным и пах сыростью, мокрым асфальтом и соснами.

Институт казался почти мирным. Трудно было представить, что за его стенами создавали вещи, о существовании которых не знало большинство людей. В проходной стояли двое охранников. Они давно знали всех сотрудников в лицо, но правила были одинаковыми для каждого. Сначала пластиковый пропуск, потом ладонь на сканер, потом короткий взгляд в камеру. Только после этого тяжёлые стеклянные двери открывались почти бесшумно. Киёк Ниын привычным движением убрал пропуск обратно во внутренний карман пиджака.

- Доброе утро.
- Доброе, доктор, - ответил старший смены.
- Сегодня без происшествий?
- Охранник пожал плечами.
- Пока да.

Киёк кивнул, прошел через площадь и вошёл в вестибюль главного корпуса. Здесь всегда пахло одинаково: кофе, озоном, свежей краской и ещё чем-то трудноуловимым, запахом помещений, где круглые сутки работали сложные приборы. Слева сидела дежурная, раскладывая по прозрачным лоткам временные пропуска для посетителей корпуса. Посетителей почти никогда не было, но порядок оставался порядком. Лифт ещё не включили. До начала рабочего дня оставалось почти сорок минут, и Киёк поднялся по лестнице. На втором этаже уборщица старательно протирала высокие окна.

- Сегодня прохладнее, - сказала она, не оборачиваясь.
- Стало быть, кондиционеры наконец перестанут спорить с погодой.
- Она чуть усмехнулась.
- Было бы хорошо.

На третьем этаже уже слышался знакомый шум. Где-то проверяли вакуумный насос, из-за двери лаборатории электронщиков доносилось мерное потрескивание высоковольтного блока. Жизнь института начиналась всегда одинаково, поэтому малейшее отклонение замечали сразу. Автомат с кофе, стоявший в небольшом холле перед лабораториями, действительно не работал. Возле него стояли двое молодых лаборантов. Один задумчиво нажимал кнопку выбора напитка, второй уже в который раз открывал сервисную дверцу, словно надеялся найти там причину неисправности.

- Не помогает? - спросил Киёк.
- Он решил, что сегодня выходной.
- Ну да, третий раз за неделю.

- Придётся лечить. Всё же надо техника вызвать.
- Главное, чтобы не хирургическим методом.

Парни засмеялись. В каждом корпусе был свой кофейный автомат. Они давно стали частью местных традиций. Про каждый ходили свои шутки, и каждый, по общему мнению, обладал собственным характером. Этот считался самым капризным. Через несколько минут появился техник. Он молча присел на корточки, снял боковую панель, несколько секунд смотрел внутрь, потом легонько постучал костяшками пальцев по корпусу. Автомат негромко загудел и послушно выдал первый бумажный стаканчик.

- Вот видите, - спокойно сказал техник. - По утрам ему нужно немного внимания.

Никто не стал спорить. Такие мелочи незаметно превращались в институтские традиции. Киёк взял кофе и вышел на улицу.

Его лаборатория располагалась отдельно в заглубленном подземном бункере за двумя герметичными дверями и считалась помещением второго уровня допуска. Когда он, спустившись по ступенькам, приложил пропуск к считывателю, красный индикатор на мгновение задержался, словно раздумывал, после чего сменился зелёным. В лаборатории было тихо, настолько тихо, что отчётливо слышался ровный шум системы кондиционирования.

Киёк открыл сейф и достал оттуда прибор, над разработкой которого сейчас трудилась его команда. Если не знать его назначения, он показался бы обычным электронным устройством размером чуть больше современного смартфона. Матовый серый корпус без единой надписи, узкое окошко стрелочного индикатора, несколько миниатюрных разъёмов и съёмный аккумулятор, похожий на увеличенную батарею портативной камеры. Рядом лежали ещё три таких же аккумулятора. Никакой внушительности. Никакого ощущения великого открытия. Это всегда немного удивляло Киёка. Столько работы, столько бессонных ночей, столько людей. И всё это постепенно сжималось до предмета, который свободно помещался на ладони.

Он поставил бумажный стаканчик рядом с журналом испытаний и открыл его на вчерашней записи. За ночь цифры не изменились. Угол воздействия удалось уменьшить ещё на два градуса. Теперь он составлял ровно двести четыре. Киёк долго смотрел то на прибор, то на страницу журнала. Со стороны могло показаться, что он ничего не делает. Но в такие минуты чаще всего рождались решения.

Послышались шаги. Лаборатория начинала просыпаться. Киёк снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула и привычным движением вставил аккумулятор в прибор. Индикатор мигнул зелёным, потом коротко жёлтым и, выдержав паузу, погас. Так происходило всегда. Прибор словно проверял сам себя, прежде чем позволить человеку прикоснуться к его возможностям. Киёк никогда не говорил об этом вслух, но за годы работы успел привыкнуть считать эту короткую паузу своеобразным приветствием. Пока прибор молчал, день ещё можно было считать обычным.

Дверь лаборатории открылась без скрипа. Первой вошла старшая лаборантка Сиот Иын. Она всегда приходила ровно за пять минут до официального начала рабочего дня и неизменно брала с папку с журналами испытаний, хотя прекрасно знала, что все данные уже давно продублированы в электронном архиве, который она же и вела. Компьютер с этим архивом не был связан с сетью всего института из соображений секретности. Да и бумаге здесь доверяли больше. Электронные системы иногда ошибались, иногда зависали, иногда требовали обновлений. Бумага лежала в шкафу и ждала своего часа. За Сиот вошли двое молодых сотрудников, неся небольшие контейнеры с измерительными датчиками и комплектами новых аккумуляторов. Каждый сначала здоровался, потом подходил к своему столу и только после этого включал оборудование. Никто никогда не начинал работу молча. Эта традиция появилась задолго до прихода Киёка, и никто уже не мог объяснить, зачем она нужна. Тут считалось неправильным начинать день, не пожелав коллегам доброго утра.

- Сегодня продолжаем седьмую серию? - спросила Сиот, раскладывая журналы.

- Сегодня вернёмся к пятой.
- Она подняла глаза.
- Опять проверка старых данных?
- Не данных. Предположения.

Сиот кивнула так, будто слышала вполне исчерпывающий ответ. За годы совместной работы она привыкла, что Киёк редко объяснял свои решения заранее. Обычно становилось понятно позже, когда очередная цепочка измерений открывала возможность, которую до этого никто не замечал.

Постепенно лаборатория наполнилась привычными звуками. Слышно было как негромко заработал спектроанализатор, защёлкали фиксаторы испытательного стенда, на одном из столов зашуршал рулон антистатической плёнки. Эти звуки не мешали думать, наоборот, их отсутствие настораживало бы гораздо сильнее. В основном корпусе института также просыпались другие лаборатории. Одни занимались нейропротезами, другие регенерацией тканей, третьи искали способы восстановления памяти после тяжёлых травм. Через внутреннюю сеть уже начали приходить первые служебные сообщения. Кто-то просил свободную климатическую камеру на вторую половину дня, кто-то сообщал о переносе межлабораторного семинара, кто-то интересовался, не освободился ли сверхпроводящий магнит. В институте редко говорили о своих открытиях до публикации отчётов, но все прекрасно знали, что работают над одной общей задачей. После многолетней войны между севером и югом страна не только восстанавливала разрушенные города, но и лечила людей.

Через несколько минут на внутреннем телефоне вспыхнул зелёный индикатор. Секретарь директора, Хиын Рийль, говорила всегда одинаково спокойно, словно каждый разговор был продолжением предыдущего.

- Доктор Ниын, директор просил вас зайти, когда будет удобно. До девяти часов.
- Спасибо. Буду через десять минут.

Она поблагодарила и положила трубку. Ни слова о причине вызова, таков был порядок. Секретари в институте знали больше, чем говорили и, возможно, поэтому директор доверял им больше, чем большинству руководителей отделов.

Киёк посмотрел на прибор. На первый взгляд тот ничем не отличался от десятков других электронных устройств, лежавших в лаборатории. Никто, увидев его в первый раз, не предположил бы, что этот предмет способен вмешиваться в одну из самых сложных систем человеческого организма, в само ощущение боли. Пока прибор умел делать это слишком грубо. Излучение расходилось почти во все стороны, оставляя лишь небольшой безопасный сектор позади корпуса, сейчас всего сто пятьдесят шесть градусов. Во время испытаний оператору приходилось работать, всегда оставаясь в этой неширокой «мёртвой зоне». Два года назад безопасный сектор был ещё меньше, поэтому лаборатория и находилась под землёй. Теперь он медленно расширялся, настолько, что за последние четыре месяца удалось выиграть всего восемнадцать градусов. Но в научной работе иногда как раз эти градусы отделяли невозможное от будущего открытия.

Он закрыл журнал испытаний и взял прибор в руку. Вес ощущался почти домашним, как у обычного телефона. Он давно заметил странную закономерность: чем серьёзнее становились последствия их исследований, тем проще выглядело устройство. Иногда он думал, что наука обладает собственным чувством юмора. Самые опасные вещи редко производят впечатление опасных, из-за этого люди перестают их бояться раньше, чем начинают понимать.

Киёк вышел из своей лаборатории и снова прошёл к главному корпусу. Кабинет директора находился не на последнем этаже, как можно было ожидать, а на четвёртом, почти посередине здания. Когда институт только строили, архитектор предлагал разместить руководство наверху, с панорамными окнами и видом на реку. Директор отказался. Он сказал, что руково-

дитель должен одинаково быстро доходить и до лабораторий в подвале, и до конференц-зала под крышей. С тех пор кабинет так и оставался на четвёртом этаже.

В приёмной уже сидели несколько человек. Молодой инженер с папкой расчётов терпеливо листал исписанный блокнот. Пожилой заведующий соседней лабораторией негромко разговаривал с женщиной из финансового отдела. Никто не выглядел раздражённым. Все знали: если директор вызывает, значит, разговор действительно нужен. Если не вызывает, никакой отчёт не заставит его изменить решение. Секретарь, Хиын Риыль, подняла голову от экрана компьютера.

- Доброе утро, доктор Ниын.

- Доброе.

- Он вас ждёт.

Она нажала кнопку внутренней связи.

- Господин директор, доктор Киёк Ниын пришёл.

Из динамика сразу же послышалось короткое:

- Пусть входит.

Кабинет был простым. Длинный стол для совещаний занимал почти половину комнаты, на стене висела большая карта мира без политических границ. Вместо них были отмечены исследовательские центры, медицинские институты, крупные госпитали и транспортные узлы. Некоторые точки были соединены тонкими линиями, часть перечёркнута красными крестиками.

Директор Миым Пиып стоял у окна, держа в руках маленькую фарфоровую чашку. Он был немолодым, с седой шевелюрой, но двигался легко, почти бесшумно. Обернувшись, он не предложил Киёку присесть, а сначала сам подошёл к столу и убрал в ящик толстую папку.

- Опять принесли отчёт, - сказал он с лёгкой досадой. - Двести восемьдесят шесть страниц. Наверное, хороший. Я не открывал.

Он посмотрел на Киёка: «Расскажите лучше сами». Киёк уже давно перестал готовиться к этим разговорам. Он знал, что директор перебьёт его на второй минуте, если услышит хоть одну фразу, похожую на доклад.

- Мы уменьшили угол излучения ещё на два градуса.

- Насколько уверены?

- Полностью. Серия повторена трижды.

- Вы не торопитесь.

Киёк не обиделся. Этот вопрос директор задавал всегда.

- Потому что мы работаем не с лучом.

- Продолжайте.

- Мы пока не умеем управлять самим фронтом колебаний. Мы только смогли добиться того, чтобы он работал немного иначе.

Директор кивнул: «Вот это уже похоже на разговор». Он подошёл к карте.

- Знаете, почему я вызвал вас?

Киёк молчал. Директор провёл пальцем по нескольким отметкам.

- Здесь работают над восстановлением спинного мозга. Здесь над искусственными сосудами. Здесь пытаются выращивать новые ткани. В западном филиале уже шестой год ищут способ вернуть память после тяжёлых поражений мозга. На юге работают с иммунными заболеваниями, на севере с последствиями химического заражения. Каждый надеется решить свою часть общей беды. За кордоном делают примерно то же самое.

Он сделал небольшую паузу: «Но у всех этих людей есть одна общая проблема.»

Киёк уже понимал, к чему он ведёт.

- Боль.

- Да.

Директор поставил чашку на подоконник.

- Мы научились менять суставы, научились пересаживать органы, научились печатать кости. Скоро научимся выращивать сердце прямо в лаборатории. Но всё это бесполезно, если человек продолжает жить с болью. После южной войны таких людей миллионы. А теперь...

Он ненадолго замолчал и посмотрел в окно. Над рекой уже расходился утренний туман, и далеко, почти у самого горизонта, тонкой серебристой точкой блеснул самолёт.

- ...теперь начинается западно-восточная.

Он произнёс это спокойно, без газетной торжественности, как человек, который говорит о погоде.

- Мы оба понимаем, что это значит.

Киёк молча кивнул.

- Через какое-то время госпитали снова будут переполнены. И снова тысячи людей будут просить врачей не столько вылечить их... а хотя бы без накапливающейся химии дать шанс уснуть ненадолго без боли прямо сейчас.

Он подошёл ближе.

- Ваш прибор нужен потому, что человеку иногда трудно вернуть здоровье, но почти всегда необходимо вернуть возможность нормально жить.

Директор не торопился продолжать, он никогда не заполнял паузы словами, поэтому люди слушали его особенно внимательно. Наконец, он снова заговорил, уже совсем другим тоном.

- Есть ещё один вопрос. Любая технология рано или поздно перестаёт принадлежать своему создателю. Вчера вечером ко мне заходил сотрудник отдела теоретической безопасности. Ему не нравится одна особенность вашей разработки. Он считает её слишком опасной. Говорит, что если изменить диапазон рабочих частот... Он не договорил. Только внимательно посмотрел на Киёка.

- ... и что произойдёт?

Киёк не ответил сразу. Подойдя к карте, он некоторое время смотрел на тонкие линии, соединявшие институты, лаборатории и госпитали, словно пытаясь увидеть не условные обозначения, а живых людей, ежедневно входивших в такие же здания, открывавших такие же журналы испытаний и надеявшихся, что вот уж сегодняшний день окажется немного ближе к решению задач, над которыми иногда безуспешно работали десятилетиями. Потом, переведя взгляд на директора, он произнёс ровным голосом, в котором не было ни оправдания, ни желания произвести впечатление:

- Если изменить диапазон рабочих частот, прибор перестанет подавлять болевой сигнал и начнёт его усиливать. Насколько мы пока не знаем, не проводили таких экспериментов.

Директор внимательно слушал, не перебивая. Он вообще редко задавал вопросы по ходу объяснения, предпочитая сначала понять, как мыслит собеседник. Эта привычка появилась у него ещё в те годы, когда он сам руководил лабораторией. Он заметил, что хороший исследователь, отвечая без подсказок, почти всегда сам выходит на главное, в то время как посредственный начинает прятаться за терминами, диаграммами и сложными формулировками. Поэтому директор и не любил ни презентаций, ни многостраничных отчётов, считая, что настоящая наука рождается не на экране проектора, а в голове человека, который способен несколькими простыми словами объяснить то, над чем работал последнее время.

- Ясно, не проводили... - повторил он, словно проверяя не ответ Киёка, а собственную мысль. - И правильно сделали. Некоторые двери лучше не открывать до тех пор, пока не поймёшь, как их потом закрыть.

Он ненадолго замолчал, затем подошёл к столу и, открыв один из ящиков, достал тонкую папку без каких-либо пометок на обложке. Бумаги внутри были собраны без обычной для института педантичности: несколько машинописных листов, фотографии, короткие служеб-

ные записки, распечатки медицинских заключений. Положив папку перед Киёком, директор не стал её раскрывать сам, предоставив это сделать собеседнику, некоторое время помолчал, глядя на карту, потом закрыл папку и, негромко сказал:

- В нашем институте сейчас почти сорок направлений: кто-то выращивает ткани, кто-то восстанавливает кровь, кто-то ищет способы срастить повреждённый спинной мозг. По отдельности всё это кажется разными задачами. На самом деле задача одна, вернуть человеку радость жизни. И если хотя бы одно направление остановится, остальные тоже начнут буксовать.

Он подошёл к окну. Во внутреннем дворе сотрудники ходили между корпусами: мужчина в белом халате нёс пластиковый контейнер с образцами, другой какие-то рулоны, взлохмаченный лаборант неторопливо пил кофе на ходу, успевая здороваться сразу с несколькими знакомыми.

- После южной войны все думали, что главной проблемой станут разрушенные города. А вышло, что разрушенные люди. Теперь, когда начинается западная, я почти уверен, что очень скоро мы снова увидим то же самое.

Он повернулся к Киёку.

- Поэтому работайте спокойно. Не ради отчётов, и не ради моих указаний. Любая машина делает лишь то, что в неё вложил человек, но человеку почти всегда приходится делать больше, чем планировал вначале. Важно помнить: иногда судьба большого дела зависит от такого прибора как ваш.

Киёк вышел из кабинета. Хиын Риыль уже разговаривала по внутреннему телефону, одновременно просматривая расписание директора на планшете. В коридоре стало заметно оживлённее, шёл обычный рабочий день. Проходя мимо окна, Киёк машинально опустил руку в карман халата и нащупал прибор, который на всякий случай всё же прихватил с собой для разговора с директором. Да, он помещался на ладони, и казался слишком маленьким для того, чтобы однажды изменить чью-то жизнь. Или разрушить её.

Глава 2.

Когда Киёк вернулся от директора, лаборатория уже работала в обычном ритме. Испытательная платформа была подготовлена, измерительные стойки включены, а на большом экране монотонно сменяли друг друга результаты утренней самодиагностики оборудования. Кто-то негромко обсуждал параметры предыдущей серии, кто-то сверял журнал испытаний с архивом, кто-то, стоя на стремянке, менял кабель в верхней части замерной рамки. Всё происходило без суеты, но достаточно быстро, чтобы человек со стороны сразу понял: каждый здесь знает не только свою работу, но и работу соседа. Сиот Иын, заметив Киёка, лишь вопросительно подняла глаза.

- Пятая серия, - повторил он.

Она молча кивнула и, не задавая больше ни одного вопроса, подошла к шкафу с образцами. Через несколько секунд на центральном столе уже лежал контейнер с искусственной нейронной тканью, подготовленной ещё накануне вечером. Молодой научный сотрудник Чхиыт, услышав распоряжение руководителя, недовольно покачал головой.

- Мы же договорились сегодня продолжать седьмую.

- Передумал.

- Из-за вчерашних двух градусов?

- Нет.

Ответ прозвучал спокойно, но этого было достаточно, чтобы спор закончился. За несколько лет сотрудники лаборатории привыкли: если Киёк возвращался к уже завершённой серии опытов, он заметил какую-то закономерность, пока ещё существовавшую только у него в голове. Почти всегда позднее выяснялось, что так оно и было. Чхиыт пожал плечами и, не скрывая любопытства, принялся переставлять измерительные датчики по схеме пятой серии.

- Всё-таки расскажете потом, что конкретно вас смутило?

Киёк улыбнулся.

- Если получится - расскажу. Если не получится, будем считать, что ничего не было.

Сотрудники негромко засмеялись, не отрываясь от работы. Такие ответы в лаборатории давно стали привычными. Наука редко движется прямой дорогой, чаще всего сначала появляется ощущение ошибки, потом несколько дней сомнений, и только после этого становится понятно, была ли это ошибка или начало открытия.

Киёк собственноручно положил прибор в центр испытательной платформы. Внешне всё выглядело почти буднично. Небольшой серый корпус располагался среди измерительных датчиков так спокойно, что казался скорее карманным, случайно забытым на рабочем столе диктофоном, чем устройством, ради которого много людей работали уже не первый год.

- Готовность.

Ответы прозвучали почти одновременно.

- Измерительный комплекс готов.

- Биологический канал готов.

- Регистрация включена.

- Защитный сектор свободен.

Киёк посмотрел на экран. Красная дуга, обозначавшая область излучения, занимала больше полукруга, оставляя позади прибора безопасный сектор, который теперь составлял сто пятьдесят шесть градусов. Все люди были внутри него.

- Начинаем.

Он нажал на кнопку пуска. Стрелка на индикаторе сдвинулась в зелёную зону. На экранах измерителей сразу побежали графики. Один из них показывал характеристики самого излучения, другой реакцию искусственной нервной ткани, третий автоматически сравнивал текущие

данные с результатами предыдущих серий. Несколько минут в лаборатории никто не произносил ни слова. Каждый следил только за своим участком измерений.

- Реакция стабильная, - сказал наконец Чхиыт.

- Совпадение с расчётами девяносто девять и семь десятых, - отозвался его товарищ Киык, который занимался математической моделью.

Сиот быстро дублировала цифры в журнал.

- Без отклонений.

Киёк кивнул и снял руку с кнопки прибора. Обычная часть эксперимента закончилась.

Прошла минута, потом вторая. Чхиыт выдохнул.

- Очень хорошо...

Киёк поднял голову.

- Что «хорошо»?

- Реакция не исчезает.

- Следим за временем.

Прошло два часа. График не изменился, реакция искусственной нейронной ткани всё это время не менялась как раньше. Сиот перестала писать. Киёк подошёл к испытательной камере, открыл защитный кожух и, не говоря ни слова, вынул испытываемую ткань и положил её на стол так, чтобы её видели все. Никто не произнёс ни слова. Иногда молчание исследователей говорит больше любого обсуждения. Киёк ещё раз посмотрел сначала на прибор, потом на экран. И только после этого сказал:

- Повторим ещё раз.

- Что именно?

Чхиыт не ответил сразу. Он наклонился к монитору, несколько раз увеличил масштаб графика и, не отрывая взгляда от экрана, быстро переключил отображение с усреднённых значений на поток сырых данных.

- Биологический канал... Он не возвращается к исходному уровню. При устранении боли это хорошо.

Киык, услышав это, сразу повернулся к своему пульту.

- Может быть, регистрация запаздывает?

- Уже проверяю.

Он отключил основной блок измерений и почти мгновенно подключил резервный, стоявший рядом для таких случаев. Несколько секунд оба графика шли параллельно, затем старый погас, а новый продолжил прежнюю кривую без малейшего скачка.

- Не измеритель, - сказал Киык.

Сиот перестала писать и подняла голову.

- Может, культура состарилась?

- В этом случае график пошёл бы вниз, - ответил Чхиыт. - А он вообще никуда не уходит.

В лаборатории никто не суетился, никто не начинал поспешно искать виноватого. За годы совместной работы все усвоили общее правило: сначала убедись, что происходит нечто необычное, и только потом пытайся это объяснить. Киёк подошёл к испытательной камере.

- Время? - спросил он.

- Два часа, сорок две минуты сорок семь секунд после отключения прибора, - сразу ответила Сиот.

- Излучение?

- По встроенному датчику отсутствует.

- Биологический отклик?

Чхиыт уверенно покачал головой.

- Не меняется.

Киёк перевёл взгляд на экран. Линия действительно застыла почти горизонтально. Настолько ровной она становилась только во время работы прибора. Теперь же прибор лежал перед ними выключенным.

Он не любил выводов, сделанных раньше времени. За время работы лаборатория десятки раз сталкивалась с ошибками, которые сначала выглядели открытиями, а через час оказывались неисправным кабелем, некорректной калибровкой или влиянием изменения температуры, поэтому Киёк никогда не позволял себе удивляться раньше проверки.

- Проверяем всё с самого начала, - спокойно сказал он. - Источник питания, канал регистрации, новый образец, экранирование, последовательность операций. Никто ничего не предполагает, пока существуют два варианта: либо мы ошиблись, либо ошиблась аппаратура.

Киёк занялся измерительным трактом, Чхиыт начал повторную диагностику испытательной камеры, Сиот открыла архив предыдущих серий, быстро перелистывая страницы журнала и одновременно сверяясь с электронными протоколами. Через несколько минут к ним присоединился техник из приборной лаборатории главного корпуса, которого вызвали проверить независимым прибором уровень остаточного поля пространства вокруг испытательной платформы и во всей лаборатории. Он закончил измерения быстрее, чем ожидали.

- Здесь пусто, - сказал он, снимая наушники. - Вообще ничего.

- Совсем?

- На уровне фонового шума.

Киёк кивнул, поблагодарил его и дождался, пока дверь за ним закроется.

- Короче, прибор действительно выключен, а ткань не показывает изменений. Выходит, результат фиксируется и боль не возвращается более двух часов. Раньше со временем, результат обычно исчезал более быстро.

Никто не ответил. Все понимали, что это и было самым главным выводом. Если излучение отсутствует, а биологический эффект продолжается, следовательно, причина уже не в действии прибора. Прошло ещё несколько минут. Все возможные проверки постепенно заканчивались одним и тем же результатом. Ошибок не обнаруживалось.

Киёк осторожно взял прибор в руку и некоторое время рассматривал его так, словно никогда не видел. Он выглядел совершенно обычно. Причиной всеобщего молчания стало это маленькое устройство,

Он положил прибор на место.

- Запускаем обратное воздействие.

Чхиыт удивлённо поднял голову.

- Но ведь...

- Вот поэтому и запускаем.

В лаборатории снова наступила рабочая тишина. Никто не понимал, что должно произойти. Однако никто и не возражал. Сиот выбрала режим, который до этого дня использовался лишь для проверки самой системы. Несколько секунд она держала палец над кнопкой запуска, затем посмотрела на Киёка. Он едва заметно кивнул. Стрелка индикатора поползла в красную зону.

В лаборатории никто не смотрел на сам прибор. Все взгляды были прикованы к мониторам, где с небольшой задержкой отображалось состояние биологического образца. Даже шум вентиляции теперь казался громче обычного.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Линия на основном графике оставалась неподвижной, словно эксперимент давно закончился и компьютер продолжал рисовать прямую по инерции. Чхиыт уже собирался увеличить масштаб временной шкалы, когда Киёк негромко произнёс:

- Есть изменение.

Все одновременно посмотрели на его экран. Кривая едва заметно дрогнула. Если бы масштаб был прежним, этого никто бы не заметил. Затем появилась ещё одна небольшая ступенька, потом ещё одна, и через полминуты график начал потихоньку подниматься вверх, затем вышел на плато. Никто не сказал ни слова. Сиот первой нарушила молчание. Не отрывая глаз от журнала, она спокойно произнесла:

- Скорость изменения... практически совпадает со скоростью возникновения эффекта обезболивания.

Киёк подошёл ближе.

- Покажи наложение.

Через несколько секунд на экране появились две кривые: утренняя запись воздействия и новая. Некоторое время они почти не отличались друг от друга. Затем компьютер автоматически совместил их относительно начала процесса. Перед ними находились две линии, повторявшие одна другую почти зеркально. Киёк первым нарушил тишину.

- Не может быть... Это очень опасно!

Киёк поднял руку, останавливая его.

- Не говори этого.

Киёк посмотрел виновато. Это была старая привычка лаборатории. Фраза «не может быть» считалась почти профессиональным суеверием. Каждый раз, когда кто-нибудь её произносил, спустя несколько часов обязательно находилось объяснение, разрушавшее первое впечатление. Поэтому Киёк много лет назад ввёл другое правило.

- Пока мы не нашли ошибку, открытия не существует.

Эту фразу знали все, и никто не спешил радоваться. Обратная программа продолжала работать. Сиот уже ждала команду выключать прибор.

- Ох! – непонятно к чему произнёс Чхиыт.

Киёк дождался ещё двадцати минут контрольного наблюдения, после чего сам подошёл к испытательной платформе, выключил прибор, вынул аккумулятор и только теперь разрешил сотрудникам немного расслабиться.

- Повторяем всё сначала? - спросил Чхиыт.

- Не повторяем.

Тот удивлённо, с лёгкой гримасой, посмотрел на руководителя.

- Почему?

- Потому что мы ещё не закончили первый опыт.

Сотрудники переглянулись. Каждый понимал, что он имеет в виду. Если явление действительно существует, оно должно оставить после себя следы не только в электронных таблицах, но и во всём ходе эксперимента. Проверять следовало буквально каждую мелочь. Сиот уже начала составлять список контрольных проверок. Киёк снимал журналы регистрации с внутренних модулей памяти. Чхиыт, убирая кабели измерительного комплекса, одной рукой придерживал металлическую направляющую испытательной платформы. Он работал быстро, привычно и, как большинство инженеров, почти автоматически.

В следующее мгновение его ладонь соскользнула. Острый край тонкой экранирующей пластины резанул по указательному пальцу. Раздался характерный металлический звук. На светлой поверхности корпуса появилась тёмная капля крови.

- Осторожнее, - машинально сказала Сиот, даже не поднимая головы.

Чхиыт посмотрел на руку. Капелька крови стекала по пальцу. Он достал из кармана салфетку, прижал её к порезу и нахмурился.

- Странно...

Никто не отреагировал. Подобные порезы случались в лаборатории нередко. Чхиыт несколько раз согнул палец, потом сжал его другой рукой. На лице появилось выражение недоумения.

- Очень странно...

Теперь на него уже посмотрел Киёк.

- Что?

Чхиыт поднял руку.

- Неглубокий порез.

Он говорил спокойно, почти удивлённо.

- Но болит очень сильно.

Киёк перевёл взгляд с окровавленного пальца на прибор, лежавший на испытательной платформе. Потом на экран, где несколько минут назад обратная кривая уже ничем не отличалась от обычной кривой обезболивания.

Он не произнёс ни слова. Только подошёл к журналу испытаний, открыл новую страницу и после долгой паузы сделал первую запись, не похожую ни на одну из предыдущих: «Обратное воздействие полностью устраняет прямой эффект в биологическом образце. На людях не проверялось.»

Он поставил точку, закрыл журнал и лишь после этого снова посмотрел на Чхиыта:

- На сегодня всё.

На следующее утро лаборатория ожила раньше обычного. Никто не получал срочных распоряжений, не обзванивал сотрудников и не требовал немедленно явиться на работу, однако почему-то почти все пришли задолго до начала рабочего дня, словно каждый из них, проснувшись среди ночи, мысленно возвращался к вчерашнему эксперименту и в какой-то момент понял, что дома всё равно не сможет заниматься ничем другим. Сиот Иын уже успела открыть помещение, включить вентиляцию и подготовить журналы наблюдений. Сотрудники здоровались вполголоса, обменивались короткими фразами, сразу же переходя к приборам и записям, словно опасались случайным разговором нарушить хрупкое равновесие между вчерашними фактами и тем объяснением, которого пока ещё не существовало.

Когда вошёл Киёк, разговоры сами собой смолкли. Он привычно надел халат, положил на стол блокнот и только после этого посмотрел на Чхиыта, который, заметив этот взгляд, без лишних слов снял пластырь с указательного пальца и протянул руку. Порез выглядел совершенно обычно: воспаления не было, края раны уже начали стягиваться, кожа вокруг оставалась чистой. Всё соответствовало тому, что должен был увидеть врач спустя почти сутки после небольшой производственной травмы. Лишь один вопрос сейчас имел значение. «Когда появилась боль?» - спокойно спросил Киёк, продолжая рассматривать палец так внимательно, будто в нём скрывалась разгадка всего вчерашнего опыта. «Ещё до пореза и необычно сильная. Обычно в таких случаях она довольно быстро проходит, сейчас нет. Похоже, до этого, рука случайно попала в незащищённый сектор под обратное излучение», - ответил Чхиыт. Киёк кивнул.

- Иди в санчасть.

Киёк вспомнил вчерашний разговор директора с представителями службы безопасности, они слишком торопятся говорить об угрозах, которых ещё не существует. А сейчас эта беседа всплыла в памяти уже без раздражения. Сейчас он увидел ситуацию глазами безопасников: «Они делают свою работу так же, как мы свою. Хороший инженер обязан предполагать, что прибор однажды выдаст что-то не то, хороший человек надеется, что этого не случится, а хороший безопасник обязан предполагать, что любое открытие когда-нибудь попытаются использовать не по назначению.»

Киёк протянул руку к корпусу прибора, чтобы вернуть переключатель в рабочее положение обезболивания. Но в этот момент позвонила Хиын Риыль и сообщила, что директору позвонили из санчасти и он требует его немедленно. Киёк машинально убрал прибор в сейф, закрыл его, и, уже сделав несколько шагов к двери, на мгновение нахмурился, словно пытаясь

вспомнить какую-то мелочь, но мысль растворилась среди других, связанных с предстоящим разговором.

- Испытания продолжим завтра. Надо кое-что обдумать. – Сказал Киёк и вышел.

Глава 3.

Вроде бы ещё утро, но уже жарко. Киёк пришёл, как всегда, раньше большинства сотрудников. На центральной проходной он машинально кивнул дежурному, приложил пропуск к считывателю и уже собирался пройти через турникет, когда заметил необычное оживление возле комнаты начальника смены охраны. Несколько человек разговаривали, не повышая голоса и не размахивая руками, однако в их спокойствии чувствовалось то особое напряжение, которое возникает не во время чрезвычайных происшествий, а когда никто ещё не понимает, произошло ли вообще что-нибудь необычное.

Киёк спросил у одного из охранников:

- Что-то случилось?

Несколько секунд тот молчал.

- Один наш сотрудник не вышел на смену.

Киёк вопросительно посмотрел на него.

- Заболел?

- Если бы.

Охранник покачал головой.

- Не пришёл домой.

- Может...

Он не договорил.

- Его машины нет нигде. Телефон отвечает, но никто не берёт трубку. Соседи говорят, что он не приезжал.

Киёк пожал плечами.

- Полицию уже уведомили?

- Конечно.

Разговор закончился так же спокойно, как и начался, и Киёк пошёл дальше. В большом институте постоянно что-нибудь происходило. Люди болели, увольнялись, переводились в другие подразделения, попадали в аварии. Исчезновение человека выглядело странно, но никак не связывалось в его сознании с работой лаборатории. По дороге он привычно попытался купить кофе в автомате проходной. На экране светилась табличка: «профилактика». Киёк усмехнулся.

- Тоже заболел...

Он бросил пустой стаканчик в урну и пошёл к себе в лабораторию. Лаборатория постепенно наполнялась людьми. Сиот уже открывала сейф с журналами испытаний. Киёк подключал измерительный комплекс. Чхиыт, осторожно сгибая всё ещё болевший палец, раскладывал инструменты возле испытательной платформы, но на взгляд Киёка ответил: «Всё нормально». Разговоры были негромкими, никто больше не вспоминал последний эксперимент как неприятность. Теперь он стал работой, обычной научной работой, требовавшей терпения. Киёк посмотрел на часы, все были на месте.

Он подошёл к внутреннему сейфу, расположенному в небольшой нише за защитной перегородкой. Каждое утро процедура повторялась одинаково: электронный ключ, цифровой код, отпечаток пальца. Замки открылись один за другим. Тяжёлая дверь мягко отошла в сторону, и Киёк привычным движением потянулся к серому контейнеру. Пальцы коснулись пустой полки. Он не сразу понял, что произошло. Внутри сейфа всё находилось на своих местах: папки с протоколами, контрольные носители информации, даже упаковка одноразовых перчаток лежала там же, где он случайно её оставил накануне вечером. Не было только прибора и комплекта резервных аккумуляторов. Киёк неторопливо провёл взглядом по полкам ещё раз, потом ещё.

Он не почувствовал страха, только странное, почти физическое ощущение нереальности происходящего. За спиной кто-то негромко спросил:

- Что случилось?

Киёк слегка обернулся. Ответить он не успел. Совсем рядом, за бетонной стеной, в которую был встроен сейф, прозвучал короткий, приглушённый удар. Он был настолько глухим и спокойным, что в первое мгновение больше походил на тяжёлый толчок, передавшийся через толщу железобетона, чем на взрыв. Несколько человек одновременно повернули головы в сторону стены, пытаясь понять, что произошло.

Следующий миг оказался настолько коротким, что сознание не успело превратить его в последовательность событий. Стена за сейфом выгнулась внутрь лаборатории, словно её ударила невидимая гигантская кувалда. Бетон мгновенно треснул, рассыпался, арматура лопнула. Потом исчезло всё. Не обрушилось, не разлетелось, именно исчезло в ослепительно-белой вспышке, мгновенно поглотившей стены, потолок, людей, приборы, столы и сам воздух. Пространство на долю секунды перестало существовать, уступив место чему-то несоизмеримо более мощному, чем огонь или ударная волна.

Лишь затем пришёл звук. Он не оглушил, он уничтожил само понятие тишины, превратившись в чудовищное давление, которое крошило бетон, рвало металл, дробило стекло и человеческие тела с одинаковым равнодушием, словно между ними никогда не существовало никакой разницы. И снова наступила тишина, только теперь это была уже совсем другая тишина. Не та, что рождается после окончания звука, а та, которая приходит туда, где больше некому слушать.

Через некоторое время над местом, где находилась подземная лаборатория уже кружили спасательные вертолёты. От лаборатории Киёка осталась только глубокая воронка заполненная дымом и водой из разорванного пожарного водопровода, да искореженные обломки железобетона смешанного с землёй, среди которых уже нельзя было определить, где находился сейф, где испытательная камера, а где небольшой серый прибор, исчезновение которого Киёк успел осознать всего за одно мгновение до взрыва.

Часть вторая. Теория ненаучная.

Глава 1.

Утро в маленьком городе никогда не наступало сразу. Оно собиралось лениво, почти незаметно, как будто кто-то осторожно прибавлял уличный свет, стараясь никого не разбудить. Сначала открывались ставни, потом на улице появлялся запах свежего хлеба, за ним - первый собачий лай, которому отвечал другой, с соседней улицы. Постепенно начинали хлопать двери, по мостовой проезжали первые велосипедисты, хозяева магазинчиков выставляли на тротуар деревянные ящики с овощами и корзины с фруктами. Город просыпался и начинал жить своей обычной жизнью.

Алеф любил это время вовсе не за спокойную тишину. Наоборот, ранним утром ему приходилось разговаривать больше, чем в любой другой час дня.

Он был худощав, немного сутуловат, словно за долгие годы привык не занимать в мире больше места, чем необходимо. Возможно поэтому любая одежда выглядела на нем мешковато. Лицо его трудно было назвать красивым: высокий лоб, прямой нос, впалые щёки, короткая борода с проседью, появившаяся скорее от привычки не думать о себе, чем от желания выглядеть старше. Волосы давно потеряли прежнюю густоту и, не слушаясь расчёски, ложились так, как им хотелось. В толпе такой человек почти всегда оставался незамеченным. Но стоило ему поднять глаза, как становилось странно спокойно. В них не было ни суровости наставника, ни мягкости человека, желающего понравиться. Они смотрели так, будто перед ним находился не случайный собеседник, а давно знакомый человек, которого он уже успел простить.

Он жил один в небольшом доме на окраине, доставшемся после родителей, погибших во время войны между севером и югом. Жена... Он вспоминал о ней, когда было трудно.

Дом был старый, с деревянной верандой, скрытой виноградной лозой, и садом, где каждую весну расцветали два абрикосовых дерева. Внутри - книги. Шкафы с книгами занимали стены почти целиком. Некоторым текстам было более пяти тысяч лет. У окна - письменный стол, отполированный годами работы, на стене - старые часы, которые исправно отбивали каждый час. Алеф давно не слушал их бой.

Он распахнул окно, умылся, вскипятил чайник, позавтракал, положил в потёртую сумку ученические тетради. До уроков оставалось больше часа - можно было не спешить.

Алеф выходил в одно и то же время. Он сворачивал не на короткую дорогу, а на длинную - через старую часть города. Здесь были пекарня, мастерская, почта, овощные ряды, чайная, старые платаны, под которыми с утра собирались старики, и площадь с памятником, где люди задерживались поговорить. Почти каждый горожанин проходил этой дорогой, и Алеф давно понял: если выбирать этот путь, в школу не прийти быстро. Он и не пытался.

Не успел он пройти и нескольких десятков шагов, как из распахнутых дверей пекарни выглянул хозяин, невысокий пожилой человек с руками, до локтей покрытыми белой мукой.

- Алеф!

Тот остановился и, улыбнувшись, подошёл ближе.

- Доброе утро, Йуд.

Пекарь тяжело вздохнул, машинально поправляя фартук.

- Внук опять заявил, что бросит учёбу и пойдёт работать ко мне. Говорит, печь хлеб куда легче, чем сидеть над книгами.

Алеф немного подумал.

- А ты разрешал ему хоть раз начать работу часа в три утра?

Старик удивлённо поднял глаза.

- Не разрешал.
- Разреши. Только не помогай ему.

Несколько секунд пекарь молча смотрел на собеседника, потом неожиданно рассмеялся и согласно кивнул.

- Пожалуй... так действительно будет лучше. На этом разговор закончился. Они попрощались так, словно продолжать было уже не о чем.

Дальше всё происходило как обычно. Почтальон попросил прочитать письмо брата - почерк был почти неразборчив. Старик под платанами хотел понять сложную фразу из субботней проповеди. Молодой торговец фруктами объяснял, почему не может первым помириться с соседом. Алеф слушал. Иногда отвечал одной фразой, иногда задавал вопрос, после которого человек сам находил решение. Он не считал это добрыми делами, это было частью его утра, как завтрак или дорога в школу.

Когда до школьных ворот оставалось всего несколько домов, улица выводила к небольшой площади, на углу которой уже открылась чайная. Сквозь распахнутые окна наружу выплывали аромат крепкого чая и тонкий запах табака. За столиком у окна, выходявшего на площадь, почти каждое утро, сидел её хозяин. Он спокойно держал в руках маленькую фарфоровую чашку и, казалось, без всякого интереса наблюдал за просыпающимся городом.

Он был широкоплеч, крепко сбит и обычно двигался спокойной походкой, которой ходят люди, давно привыкшие, что перед ними сами освобождают дорогу. Никакая одежда не могла скрыть его природной силы. Лицо казалось грубоватым: тяжёлый подбородок, густые брови, сломанная когда-то переносица, коротко остриженные волосы с первыми серебристыми прядями на висках. Но больше всего запоминались глаза. Они всё время что-то высчитывали. Казалось, он никогда не смотрел просто так: любой человек, любой предмет, любое слово мгновенно превращались для него в вопрос: опасно это или полезно.

Их взгляды встретились. Хозяин чайной едва заметно кивнул. Алеф ответил тем же и, не меняя шага, продолжил путь.

Город давно привык к этой сцене. Никого не удивляло, что школьный учитель и хозяин чайной каждое утро молча приветствуют друг друга. Для большинства жителей это был всего лишь один из множества маленьких, привычных ритуалов, составлявших жизнь их города. Почти никто уже не помнил, что много лет назад эти двое мальчишек сидели за одной партой.

Школа занимала старое двухэтажное здание из светлого камня. Оно стояло чуть в стороне от площади, за невысокой кованой оградой, почти скрытой кустами жасмина. Каждую весну они так густо покрывались белыми цветами, что казалось, будто здание растворяется в облаке лёгкого аромата. Его запах держался в воздухе, смешиваясь с запахом старого дерева и нагретых солнцем учебников, и тетрадей, тем особым запахом, который бывает только в школах, где учатся уже не одно поколение детей.

Во дворе школы несколько мальчишек гонялись друг за другом между деревьями, дворник старательно сметал с крыльца вчерашние листья, двое решали вопрос едят ли белые медведи пингвинов. Алеф прошёл почти незаметно, поздоровался с дворником, поставил сумку у школьной двери и оглянулся на старую шелковицу. Ветер за ночь сломал несколько ещё зелёных веток, одна, толстая, почти перегородила узкую дорожку. Проходившие мимо ученики машинально переступали через неё, даже не замечая.

Алеф тоже сначала прошёл мимо. Уже взявшись за дверную ручку, он словно что-то вспомнил, вернулся, поднял ветку, внимательно посмотрел на свежий излом, потом отнёс её не к забору, куда её наверняка бросили бы остальные, а к поленнице у сарая и аккуратно положил сверху.

- Зачем? - удивился невысокий парнишка, наблюдавший за ним.
- Через неделю высохнет. Будет хорошее топливо зимой.
- А если бы никто не поднял?

- Скорее кто-нибудь поднял бы позже.
- А если бы не поднял совсем?
- Алеф развел ладони в стороны.
- Зима была бы холоднее.

Он поднял сумку и вошёл в школу, а парнишка ещё долго смотрел на поленницу, пытаясь понять, почему из-за какой-то сломанной ветки ему вдруг стало немного стыдно.

В учительской всё было как обычно. Несколько преподавателей просматривали журналы, кто-то готовил задания к уроку, кто-то просматривал новостную ленту на телефоне. В ней снова говорили о войне. Сводка была короткой и удивительно спокойной, словно речь шла не о людях, а о погоде. Линия фронта за последнюю неделю почти не изменилась. Несколько населённых пунктов вновь переходили из рук в руки, министры делали заявления, международные организации выражали обеспокоенность. Информация старалась сохранить привычный деловой тон, но между строк уже чувствовалась усталость, которая появляется, когда беда перестаёт быть неожиданностью и начинает становиться частью повседневной жизни.

Алеф тоже пробежал глазами заголовки. Война существовала, делать вид, что её нет, было бы ложью. Но также ложью было позволить ей поселиться в каждой мысли ещё до того, как она постучится в дверь собственного дома.

Первый звонок прозвучал неожиданно мягко. По коридорам сразу прокатилась знакомая волна голосов, шагов, смеха, торопливых объяснений и хлопающих дверей. Через минуту школа перестала быть шумным зданием и снова превратилась в мир, в котором ежедневно происходили сотни маленьких событий.

Глава 2.

Первый урок. Когда все расселись, в классе ещё долго не наступала тишина. Один мальчишка продолжал шёпотом договаривать начатую во дворе историю, двое спорили из-за деревянной линейки, а за партой у окна вихрастый парень безуспешно пытался поймать ладонью солнечного зайчика. Алеф не просил никого успокоиться. Он раскрыл книгу и стал ждать.

Разговоры стихали сами собой. Последним умолк ловец зайчика. Он ещё раз попытался накрыть ладонью солнечное пятно, не поймал и, вздохнув, положил на парту руки одна на другую. Только теперь Алеф поднял голову.

- Получилось?

Мальчик покраснел.

- Не-а.

- Почему?

- Оно всё время убегало.

Алеф кивнул.

- Хорошо.

Он достал журнал и, вместо того чтобы открыть его, спросил:

- Кто сегодня по дороге в школу заметил что-нибудь необычное?

Несколько рук поднялись сразу.

- На старом мосту меняют перила.

- В пекарне опять подгорел хлеб.

- Не опять, а только одна булка, - возразил кто-то с первой парты.

- А я видел военных.

Смех стих сам собой. Алеф посмотрел на парня.

- Где?

- На западной дороге. Машин пять или шесть. Они быстро проехали.

В последние дни подобные разговоры возникали всё чаще. Война ещё не вошла в их город, но уже перестала быть далёкой. Сначала она жила в новостях, потом в разговорах взрослых, затем в тревожных взглядах матерей, провожавших сыновей в школу, а теперь - в детских словах. Война никогда не приходила сразу: сначала она занимала разговоры, и лишь потом - дома.

Алеф закрыл журнал.

- Сегодня мы продолжим историю царств.

Урок прошёл как обычно. За пять минут до звонка Алеф написал на доске три слова: «Почему начинаются войны?»

- Кто хочет ответить?

Рук поднялось много.

- Сначала одна армия переходит границу.

- Потом начинают стрелять.

- Сначала объявляют мобилизацию.

- Сначала кто-то отдаёт приказ.

Алеф выслушал каждого, ни разу не перебив. Когда желающих говорить не осталось, он некоторое время смотрел на доску.

- Всё, что вы сказали, действительно бывает. Но это ответы на другой вопрос.

Мальчики переглянулись.

- На какой?

- На вопрос «как начинаются войны». А я спросил: почему.

Класс притих. Несколько мальчишек смотрели на слова на доске. Они чувствовали: учитель не уклонился от ответа. Он оставил вопрос открытым - как дверь, через которую однажды предстоит пройти самому.

Прозвенел звонок. Никто не бросился к выходу. Ребята продолжали негромко обсуждать то, о чём так и не было сказано вслух. Лишь один мальчик задержался у учительского стола.

- Учитель... а вы знаете ответ?

Алеф улыбнулся и покачал головой.

- Тоже не знаю.

Мальчик удивился.

- Совсем не знаете?

- Знаю только одно. Когда человек слишком быстро находит ответ на непростой вопрос, ему становится неинтересно искать истину.

Мальчишка задумчиво кивнул и вышел. Алеф стёр с доски три слова. След последнего, «войны», ещё несколько секунд оставался на ней - некоторые вопросы исчезают с доски быстрее, чем из памяти.

Перемена сразу изменила школу. Ещё мгновение назад здесь царило то особенное молчание, которое рождается только во время интересного урока, а теперь по коридорам катился привычный шум. Хлопали двери, кто-то смеялся, кто-то бежал первым во двор, где под платанами всегда находилось место и для споров, и для футбола. Алеф поправил стопку тетрадей на столе и вышел в коридор. Он привык к тому, что урок заканчивается не звонком, он заканчивается, когда дети перестают быть учениками и снова становятся детьми.

Во дворе уже кипела жизнь. Младшие пытались запустить бумажный самолётик выше крыши, трое выясняли, что будет, если белке дать грецкий орех, старшие спорили возле покосившихся ворот. Трое тянули тяжёлую металлическую стойку каждый в свою сторону, убеждая друг друга, что виноваты не те, кто играл, а те, кто когда-то неправильно закрепил основание. Алеф молча подошёл, несколько минут работал вместе с ними. Стойка встала ровно.

- Спасибо, учитель.

Алеф вытер руки платком.

- Благодарите тех, кто построил это поле. Мы всего лишь не дали ему исчезнуть.

Мальчишки снова схватили мяч. Школьный двор жил своей обычной жизнью.

Из коридора второго этажа за этой сценой наблюдал директор. Он спустился во двор, убирая телефон в карман. За последнюю неделю его телефон почти не переставал подавать сигналы: распоряжения, инструкции, новые требования. Ещё месяц назад подобные сообщения появлялись редко. Теперь люди, находившиеся далеко отсюда, пытались управлять городом через звонки и строки на экране.

- Ты опять занимаешься чужой работой? - спросил директор, подходя ближе.

Алеф посмотрел на мальчишек, продолжавших игру.

- Сейчас она оказалась важнее моей собственной.

Директор усмехнулся, но взгляд его снова стал серьёзным.

- Странное время. Никогда не думал, что обычная школьная переписка превратится в поток распоряжений о готовности, проверках и эвакуациях. Война ещё далеко, а люди уже живут так, словно она за соседним перекрёстком.

Он помолчал. Перед ними по двору бегали мальчишки, спорили, смеялись, толкали друг друга, мирились через минуту после ссоры. Смотреть на них сейчас было тревожно. Казалось невозможным, чтобы тот мир, который всё настойчивее напоминал о себе сообщениями в телефоне, когда-нибудь коснулся этого двора.

- Иногда, мне кажется, - сказал директор, - что наша работа самая бесполезная. Мир придумывает новые способы разрушать, а мы каждое утро снова учим детей писать, думать и отвечать за слова.

- Поэтому мир ещё и не разрушился окончательно.

Директор не ответил. Они оба смотрели, как один из ребят, промахнувшись по мячу, упал, сам первым рассмеялся и тут же поднялся - падение было такой же частью игры, как и точный удар.

Прозвенел звонок. Двор начал пустеть так же быстро, как наполнился. Алеф уже направился к школе, когда поднял взгляд на площадь, видневшуюся между деревьями. Возле чайной стоял незнакомый армейский автомобиль. В этот момент он тронулся с места и скрылся за поворотом.

Несколько учеников выбежали к воротам и долго смотрели вслед. Один поднял руку, будто хотел помахать солдатам, но не решился. Алеф тоже посмотрел вслед машине, потом молча вошёл в школу и закрыл за собой дверь.

Следующий урок был последним перед большой переменой - история с другим классом. Алеф давно заметил: для мальчишек история никогда не ограничивается учебником. Стоило открыть любую страницу, как кто-нибудь начинал спрашивать о том, чего в книге не было. Математика требовала точного ответа, грамматика - правил, а история почти всегда начиналась там, где заканчивались готовые объяснения.

Ребята рассаживались спокойнее, чем утром. Учебный день уже вошёл в своё русло. Алеф провёл опрос по старому материалу, рассказал о новой теме и перед концом урока попросил:

- Представьте себе....

Он нарисовал на доске круг.

- Представьте, что это город.

Поставил внутри круга две точки.

- А это два человека. Они живут рядом. Каждый считает себя хорошим человеком. Каждый хочет справедливости. Почему же однажды они становятся врагами?

Руки поднялись почти одновременно.

- Потому что один обидел другого.

- Потому что кто-то соврал.

- Потому что их семьи поссорились.

- Потому что один сильнее.

Алеф выслушал всех. Он никогда не торопился поправлять учеников - иногда человеку нужно услышать собственную мысль до конца, чтобы самому заметить её слабость. Когда ответы закончились, он провёл на доске короткую линию между двумя точками.

- Видите? Между ними всего несколько шагов. Но иногда человеку легче пройти тысячу километров до другой страны, чем эти несколько шагов до другого человека. История помнит множество войн. Мы изучаем даты, имена полководцев, царей, политиков. Но почти никогда не спрашиваем себя, что произошло задолго до первого выстрела. Между мирной жизнью и войной всегда существует время, когда люди ещё могли подойти друг к другу, но не подошли.

Один из детей неуверенно поднял руку.

- Учитель... а если подошёл только один?

Алеф посмотрел на него с тем вниманием, которое дети чувствуют безошибочно.

- Тогда у второго появляется возможность сделать выбор.

- А если он не сделает?

- Тогда первый всё равно не проиграл.

Мальчик нахмурился.

- Почему?

Алеф подошёл к окну. Несколько секунд он смотрел во двор.

- Потому что человек отвечает только за ту дорогу, которую проходит сам. За чужую дорогу он отвечать не может. Может лишь предложить помощь.

Прозвенел звонок. Ребята поднялись, складывая книги и тетрадки. Выходили не спеша, продолжая негромко обсуждать не исторические даты, а два маленьких кружка, соединённых одной линией.

Когда класс опустел, Алеф стёр рисунок и вышел в коридор. Он не знал, что в этот день в старой чайной через площадь человек по имени Тав тоже разговаривал с людьми. Только там вопросы почти никогда не заканчивались размышлением. Они заканчивались указаниями. И цена этих указаний была совсем иной.

Глава 3.

Армейский автомобиль, который видели со школьного двора, появился на площади утром. Он остановился возле чайной и первое время почти никто не обратил на него внимания. Лишь необычные номера и матовый хаки кузова заставляли прохожих задерживать взгляд дольше обычного.

Внутри всё шло своим чередом: из кухни тянуло свежими булочками и крепким чаем, рабочие завтракали перед сменой, торговцы обсуждали рынок, двое стариков спорили о погоде. Возле окна сидел Тав. Люди подходили к нему по одному, ненадолго присаживались, негромко перекидывались несколькими словами и уходили. Никто не спрашивал разрешения занять место напротив, никто не повышал голос.

Когда в чайную вошёл офицер, разговоры почти не изменились. Он осмотрел зал и сразу направился к столику у окна.

- Доброе утро.
- Доброе.
- Не помешаю?
- Если бы помешали, я сказал бы.

Официант уже ставил перед военным стеклянный чайник и чашку. Несколько секунд оба молчали.

- Хороший город, - сказал офицер.
- Люди хорошие.
- Это не одно и то же?
- Да, не совсем.

За окном прозвенел школьный звонок. Несколько мальчишек с ранцами пробежали через площадь. Тав проводил их взглядом.

- В городе спокойно, - произнёс офицер.
- Конечно, этого хотят все.
- Одного желания иногда мало.

Он говорил без угрозы, и от этого слова звучали серьёзнее любого приказа.

- А что хотите вы? - спросил Тав.
- Скоро война окажется ближе, чем сегодня.

Тав ждал.

- Мы уже потеряли много людей, которые знали эту землю лучше любых карт. Мосты, дороги и документы значат меньше человека, который знает, какой двор откроется ночью, где можно укрыться и кто не станет задавать лишних вопросов.

- Вы приехали не за дорогами, - невозмутимо сказал Тав.
- Конечно.

Офицер сделал глоток чая.

- У каждого города есть две стороны. Одну видно всем: администрация, полиция, документы. Другая живёт в человеческом доверии. Пока мирно, этого никто не замечает. Когда рушится первая, держаться приходится за вторую.

Тав смотрел в окно.

- Вы хотите воспользоваться второй?
- Не то. Я хочу, чтобы она пережила первую.

Тав посмотрел на него внимательнее.

- Вы ошиблись только в одном.

Офицер ждал.

- Жизнь у города одна. Только одни знают её фасад, а другие - дворы.

Военный кивнул.

- Если война действительно придёт сюда, люди сами найдут того, кто им поможет. Для этого не нужны ваши машины и приказы.

Офицер поднялся.

- Я примерно этого и ожидал.

У двери остановился.

- Мне говорили ещё об одном человеке. Его зовут Алеф.

- Есть такой.

- К нему тоже идут за советом?

- Идут.

Военный замешкался.

- Хорошо. В этом городе есть кому сохранять людей... и есть кому сохранять сам город.

Он вышел.

Тав ещё некоторое время смотрел вслед удалявшейся машине, потом вышел во двор чайной. Там уже собирались посетители, любившие пить чай на воздухе. В дальнем конце двора молодой возница пытался развернуть тяжело нагруженную телегу - колесо глубоко ушло в размокшую землю. Лошадь дёргалась, люди смотрели, советовали, но никто не подходил.

Тав оглядел телегу, снял куртку, бросил её Пе и, не говоря ни слова, упёрся плечом в телегу. Возница что-то торопливо объяснял, оправдывался, показывал руками, но Тав даже не слушал.

- Камни.

Вав уже нёс булыжники, Мем подводил вторую лошадь. Через несколько минут колесо выползло из колеи. Возница облегчённо выдохнул, полез за кошельком. Тав остановил его движением руки.

- Деньги оставь детям.

- Каким детям?

- Любым.

Он взял у Пе куртку и, словно ничего не произошло, вернулся в чайную.

Пе посмотрел ему вслед и негромко сказал Ваву:

- Потому-то люди и идут за ним.

- Из-за силы?

Пе покачал головой.

- Из-за того, что он никогда не берёт за то, что обязан сделать.

Вав кивнул, но потом добавил:

- Странный человек. Всё для людей. А сам... никогда не был с женщиной. Я имею в виду - по-настоящему.

Пе сказал серьёзно:

- Вокруг него всегда было достаточно женщин, готовых разделить с ним постель. Он просто не видел в этом смысла. Для него женщина - как гость в чайной. Пришёл, ушёл. Зачем запоминать?

Вав нахмурился.

- Разве это не странно? Все люди хотят любви, тепла, семьи...

- Таву это не нужно - ответил Пе, и в голосе его прозвучала странная жалость. - Он может быть с любой. И ровно поэтому - долго ни с одной.

Они замолчали, наблюдая через открытую дверь за Тавом, который, не поднимая глаз, продолжал что-то писать в своей записной книжке. Он был совершенно спокоен, совершенно занят, и совершенно один - даже когда вокруг него были люди.

Глава 4.

Когда армейский автомобиль исчез за поворотом, площадь стала оживлённее. Люди заходили в магазины, хозяева лавок здоровались друг с другом через улицу, цветочница неторопливо поливала выставленные у входа небольшие кадки с цветами, а из школьного двора время от времени доносились голоса мальчишек, которые ветер приносил сюда вместе с запахом нагретой солнцем листвы. Только в чайной разговоры стали немного осторожнее. Никто не спрашивал Тава, о чём говорил с ним военный, ведь здесь давно знали несложное правило: если человек считает нужным рассказать, он расскажет сам, если молчит, вопросы уже бесполезны.

Тав ещё некоторое время посидел за своим столом, допивая остывший чай. Потом поднялся, перекинул через плечо свою куртку и вышел на улицу. Он не спешил. Почти каждый его день проходил одинаково, иногда, после нескольких часов в чайной он не торопливой походкой обходил кварталы старого города, здороваясь с людьми, которых знал многие годы. Одних он помнил мальчишками, других - ещё совсем молодыми торговцами, только открывшими своё первое дело. Город менялся почти незаметно.

Возле мастерской часовщика двое мужчин стояли по разные стороны узкой улочки, не глядя друг на друга. Один был владельцем небольшого склада строительных материалов, второй держал грузовые машины, возившие товары в соседние города. Оба были людьми уважаемыми, оба давно знали Тава, и оба сейчас выглядели так, будто не спали всю ночь. Увидев его, они почти одновременно шагнули навстречу.

- Добрый день.

- Добрый.

Тав посмотрел сначала на одного, потом на другого, кивнул.

- Пойдёмте.

Он не спросил, что случилось. Если двое взрослых мужчин хотели поговорить с ним, то разговор уже давно созрел. Они дошли до небольшого сада за старой синагогой. Здесь почти никогда не было людей. Несколько старых деревьев, давали густую тень, а журчание маленького, почерневшего от времени, фонтана заглушало голоса настолько, что разговор трудно было услышать даже в нескольких шагах. Лишь когда все трое сели на деревянную скамью, один из мужчин наконец заговорил.

- Его водитель вчера ночью сбил моего племянника.

Второй сразу покачал головой.

- Не сбил. Парень сам выскочил на дорогу.

- Он теперь в больнице.

- Жив.

- Со сломанным позвоночником.

Слова становились всё жёстче. Было видно, что оба уже не раз повторяли их друг другу и теперь спорили не столько ради истины, сколько потому, что не знали, как остановиться. Тав слушал терпеливо. Когда оба наконец замолчали, он посмотрел сначала на одного, потом на другого.

- В полиции уже были?

- Были.

- И?

Первый устало махнул рукой.

- Пока собирают материалы.

- А ты? - спросил Тав второго.

- Две мои машины завтра должны идти в соседний город на цементный завод. Если одного водителя арестуют сейчас, сорвётся доставка. Стройка нового дома остановится без цемента. Тав поднялся и безмятежно прошёлся около фонтана.

- Один хочет справедливости.

Он повернулся ко второму.

- Другой хочет выполнить контракт.

Оба кивнули.

- А кто-нибудь из вас хочет сохранить город?

Они непонимающе посмотрели на него. Тав собранно продолжил:

- Если сегодня вы начнёте воевать друг с другом, завтра ваши люди перестанут здороваться, послезавтра станут наговаривать друг на друга. Через неделю кто-нибудь обязательно достанет нож, через полгода ваши сыновья уже не вспомнят, из-за чего всё началось, но будут уверены, что обязаны продолжать.

Он говорил негромко, почти устало. Не убеждал, скорее описывал то, что видел уже много раз.

- Полиция сделает своё дело, суд - своё, не мешайте им.

Он посмотрел на владельца склада.

- Пока идёт следствие, семья твоего племянника не должна ни в чём нуждаться.

Потом перевёл взгляд на второго.

- Это сделаешь ты.

Тот хотел что-то возразить, но Тав поднял руку.

- Не как признание вины.

Он сделал небольшую паузу.

- Как признание того, что беда уже случилась.

Первый мужчина грустно опустил голову, другой долго смотрел на воду в фонтане, потом кивнул. Никто не пожал друг другу руки, не попросил прощения, но оба поднялись одновременно и ушли вместе.

Тав недолго посидел на скамье один. Вода всё так же журчала в старом каменном фонтане, листья деревьев едва заметно шевелились под лёгким ветром, а неподалёку часы на городской башне отбили очередной час. Он понимал, что не примирил этих людей, ведь настоящее примирение вообще нельзя сделать чужими руками. Он лишь не позволил сегодняшней беде превратиться в завтрашнюю ненависть. Иногда этого было достаточно, иногда нет, но человек не выбирает обстоятельства, он выбирает только то, что сделает, встретившись с ними. И в этом выборе Тав видел свою работу так же ясно, как Алеф видел свою в школе, хотя ни один из них никогда не назвал бы эти две работы одинаковыми.

Мужчины тоже ушли не сразу. Они ещё несколько минут стояли возле ворот сада, о чём-то негромко переговариваясь уже без раздражения, потом вместе свернули на соседнюю улицу и вскоре скрылись за домами. Со стороны могло показаться, что ничего особенного не произошло: никто не повышал голоса, не угрожал друг другу, не просил прощения. Обычная встреча, каких в городе случались десятки. Лишь сам Тав понимал, что сегодняшний разговор закончился не тем, что люди договорились, а лишь тем, что приняли решение подчиниться. Это были совсем разные вещи, и он никогда их не путал.

Он не спеша поднялся со скамьи и направился к выходу из сада. Возле калитки его уже ожидал молодой человек лет двадцати пяти, высокий, крепкий, в неприметной тёмной рубашке без каких-либо ярких деталей. Он не поздоровался, только вопросительно посмотрел на Тава, ведь давно привык получать распоряжения без лишних слов.

- Пусть сегодня ночью в больнице возле палаты мальчишки кто-нибудь побудет в качестве родственника.

Молодой человек кивнул.

- А возле водителя?

Тав отрицательно покачал головой.

- Не нужно.

Юноша удивился.

- Почему?

Они уже вышли на улицу и пошли вдоль двухэтажных домов, прячась в тени деревьев. Солнце было уже высоко, город окончательно проснулся, и прохожие то и дело здоровались с Тавом коротким кивком, он отвечал каждому одинаково ровно, не меняя шага.

- Потому что тот, кто виноват, сегодня и так не уснёт.

Молодой человек несколько секунд молчал.

- А если уснёт?

Тав остановился. Он посмотрел на своего спутника так внимательно, что тот сразу понял: сейчас речь идёт уже не о сегодняшнем происшествии.

- Тогда никакой суд ему уже не поможет.

Они снова пошли дальше, больше вопросов не было. Тав редко объяснял свои решения, он считал, что человек, которому всё приходится объяснять, ещё не готов принимать чужую ответственность на себя. Поэтому рядом с ним оставались немногие, зато те, кто оставался, начинали понимать его ещё до того, как он произносил первое слово.

Через несколько кварталов молодой человек свернул в переулок и исчез так же незаметно, как появился. Тав пошел дальше один. Он не любил сопровождение, оно было необходимо лишь в том случае, если требовалось показать силу. А настоящая сила, как он давно понял, тем и отличается от слабости, что не нуждается в постоянной демонстрации. Дорога сама вывела его к набережной небольшой реки, пересекавшей город. Здесь всегда было тише. У самой воды загорали молодые люди, рыбаки терпеливо следили за поплавами, маленькие дети запускали по воде самодельные кораблики. Всё было так, как будто война существовала совсем в другом мире, но Тав слишком долго жил среди людей, чтобы верить подобным картинам.

Он остановился у парапета и долго смотрел на воду. Память своевольно вернула ему совсем другой берег: та же река, но в то время не было набережной, и они ещё были мальчишками. Алеф сидел рядом на ветке дерева, болтая босыми ногами над водой.

Глава 5.

Отойдя от парапета, Тав пошел по набережной и заметил впереди знакомую сутулую фигуру. Алеф нёс в руке потёртый портфель, а вокруг него, как всегда, вились мальчишки, наперебой задавая вопросы. Тав остановился, давая им пройти, и подумал, что за двадцать лет ничего не изменилось, только мальчишки стали другими.

- Здравствуй, Алеф.

- Здравствуй, Тав.

Они остановились. Несколько секунд молчали, внутри продолжая какой-то разговор, начавшийся очень давно и никогда окончательно не прекращавшийся.

- Всё учишь мальчишек? - спросил Тав.

- Пока они готовы учиться.

- А если перестанут?

Алеф не смутился.

- Если перестанут нужно будет учиться мне.

Тав усмехнулся.

- Ты совсем не меняешься.

- Меняюсь, но медленнее, чем хотелось бы.

Мимо них пробежали двое ребят. Один из пацанов, торопясь, нечаянно задел плечом Тава, испуганно остановился и сразу начал извиняться. Тав положил руку ему на плечо.

- Беги. Домой опоздаешь.

Мальчик недоверчиво посмотрел сначала на него, потом на Алефа и, ещё раз пробормотав извинения, убежал. Алеф проводил его взглядом.

- Он хороший.

- Все хорошие, пока жизнь не задаст первый серьёзный вопрос.

Алеф покачал головой.

- Не в этом дело.

Тав вопросительно посмотрел на него.

- Жизнь не задаёт вопросы, скорее уроки даёт, и каждый раз требует решения.

Они снова замолчали, ведь за эти годы каждый из них успел прожить достаточно, чтобы понимать другого без объяснений. Каждый давно видел мир по-своему, и оба знали, что никакой разговор не изменит этого за несколько минут на городской улице.

Из-за угла выехали три армейских грузовика, но никто из прохожих уже не оборачивался им вслед. За последнюю неделю военные машины стали такой же частью городского пейзажа, как обычные грузовики или автобусы, только пыли после их проезда было немного больше. Тав первым нарушил молчание.

- Береги своих мальчишек.

Алеф посмотрел на него внимательно.

- А ты своих.

Тав понял, что Алеф сказал не случайную вежливость. У каждого из них действительно были свои люди, только один собирал их вокруг знаний, а другой вокруг ответственности, как он её понимал. И оба отвечали за них так, как умели.

Они коротко кивнули друг другу и разошлись по своим делам. Со стороны это выглядело встречей двух старых знакомых, обменявшихся несколькими ничего не значащими фразами. Старик, сидевший на скамейке возле аптеки, долго смотрел им вслед, пока обе фигуры не скрылись за противоположными углами улицы. Он покачал головой и почему-то сказал самому себе:

- Странный город... Здесь даже самые разные люди здороваются так, будто помнят одно и то же детство.

Глава 6.

Река действительно казалась в то время гораздо шире, ведь они сами были маленькими, и всё, до чего нельзя было добросить камень, для них было началом другого мира. После уроков почти весь класс разбредался кто куда, а они вдвоём любили ходить к деревянному причалу. Здесь пахло тиной, мокрыми досками и рыбой, которую рыбаки сушили неподалёку прямо на длинных жердях. Они бросали ранцы под раскидистую иву, которая росла рядом, и садились на сваи, свесив ноги над водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.